
Климентина Чугункина
Отвергнутые обществом, или Чудовища в поисках счастья
18+

Климентина Чугункина

Отвергнутые обществом, или Чудовища в поисках счастья

«Автор»
2026

Чугункина К.

Отвергнутые обществом, или Чудовища в поисках счастья / К. Чугункина — «Автор», 2026

Отдалённое будущее. В мире больше нет преступности, а люди живут в соответствии с эстетическими ценностями, которые утверждают, что ничего безобразного существовать не должно, так как подобное состояние - как внешнее, так и внутреннее - это причина зла. Не существует слабостей, не существует болезней. Если человек теряет привлекательный облик, его отправляют в учреждение закрытого типа, в котором абсолютно запрещены контакты извне. "Приют Медеи" - один из таких. Его называют лечебницей, но своим распорядком он больше походит на тюрьму. И в один прекрасный день три "чудовища", три пациента этой самой лечебницы, три закадычных друга, юных, смелых и полных интереса к жизни "за стенами" отваживаются на побег, дабы осуществить свои самые заветные мечты.

© Чугункина К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Проки 6
2. Леон 9
3. Буркало 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Климентина Чугункина
Отвергнутые обществом, или Чудовища в поисках счастья

После ужасающих последствий третьей мировой войны выжившая часть человечества приняла решение искоренить всё оставшееся на планете зло, чтобы больше никогда ничего подобного не могло произойти. Она сделала это способом, который показался в то время единственно правильным – уничтожила всё уродливое вокруг, чтобы остались только достаток, красота, счастье и любовь: те вещи, из-за которых мир в очередной раз не будет повергнут в хаос. Если все люди приблизительно равны и довольны жизнью, война никогда не наступит. И благополучия достигли, но какой ценой – уничтожением всего безобразного, что только существовало в обществе, в любой его сфере, но самое главное, в самом человеке. Наука поспособствовала тому, что люди стали совершенными по красоте существами и продлили свой век, и избавились почти от всех болезней, за исключением лёгких простуд. Однако крайне редко, но безобразия всё же случались. Нет-нет, да кто-нибудь заболевал каким-нибудь отнюдь не безобидным недугом, или по некому спонтанному щелчку в мозгу человек вдруг сходил с ума, а иногда, несмотря на все предосторожности и заботу, у стариков случался распад психики, и они превращались в овощ, прикованный к креслу-каталке. Таких людей немедленно изолировали от общества и помещали в специальные лечебницы, где ущербные, как их стали называть в новом мире, доживали свой век в кругу себе подобных. Убийство ныне считалось немыслимым злом, само это слово наводило страх на простых людей, поэтому изолированные изгои не обладали никакими правами и не распоряжались своей судьбой. Общество считало их склонными ко злу, из-за которого может начаться новая война. О лечебницах и их обитателях знали многие, но о них не принято было говорить вслух. Появление в семье ущербного считалось скандалом, и родственники подобного человека всегда пытались уничтожить все следы его существования в их семье. Было принято заниматься благотворительностью, но люди старались не разглашать своей помощи, того, что они стараются даже ущербным, отверженным изгоям дать лучшую и достойную жизнь, полную красоты, коей они лишены ныне и всегда будут лишены до скончания дней своих. Эта история о монстрах, которые собственными силами достигли того, чего лишило их новое «справедливое и милосердное» общество, ибо воистину велик Человек и ничто не встанет на его пути к счастью.

1. Проки

Мне казалось, что я обитаю в «Приюте Медеи» всю жизнь, хотя на самом деле меня поместили сюда лет в семь. «Приют Медеи» - это лечебница для больных с явно выраженными физическими и психическими отклонениями, не поддающимися излечению. Другими словами, это тюрьма для таких как я, и находится она на краю обитаемого мира в буквальном смысле. Добровольное изгнание со всеми удобствами, как считает общество. Кто дал подобное название этому месту, мне не ведомо. Но то, что оно нелепое, это факт. Ведь Медея была волшебницей, которая помогла Ясону добыть золотое руно. Так что я думаю, название выбрали по большей части из-за благозвучия, а не из-за поступков героини далёкой древности.

Я не помню первых лет детства, только какие-то смутные воспоминания пробиваются иногда в мои сны, но я не склонен им верить, да и почти всё забываю сразу, как только проснусь.

Я прокажённый, оттого и зовут меня Проки. Я являюсь родным домом для возбудителей этой безобразной инфекционной болезни – микобактерий, бацилл Ганзена, открытых в далёком 1871 году, - которые поселились в моём теле в поистине огромном количестве и поразили кожные покровы и все слизистые. Инкубационный период моей болезни составляет самое меньшее три года, то есть выходит, где-то в четыре года я подхватил эту болячку в немногочисленных сохранившихся после войны тропических лесах Амазонки нашей Южноамериканской республики, образованной века назад на руинах трёх государств, выживших после третьей мировой войны – Бразилии, Венесуэлы и Аргентины. Мне совершенно неведомо, что я мог делать в этом лесу в столь раннем возрасте. Возможно, мои родители были исследователями и взяли меня в одну из своих экспедиций. Так или иначе, но я заразился, и являюсь единственным, по крайней мере, в нашей стране (а ведь есть ещё Австралия и Конфедерация Двух Полюсов), носителем этого древнего заболевания, у которого столько названий – проказа, лепра, финикийская болезнь, скорбная болезнь, чёрная немочь, листья короста, болезнь Святого Лазаря, леонтиазис. Я спокойно отношусь к тому, кем являюсь. Я примирился со своей болячкой, потому и зовут меня Проки.

Если вам интересно, современная медицина нашла способ сделать меня не заразным для других людей. Моя инфекция больше ни для кого не представляет опасности, и я всегда буду единственным носителем этих одноклеточных. Однако способа вернуть мне личину нормального представителя человеческого рода не существует. Жизнеобеспечение моего организма доктора могут лишь поддерживать на прежнем уровне без ухудшений при помощи наисовременнейших средств и традиционных лекарств, известных с давних времён, таких как хаульмугровое масло и сульфоновые препараты.

Сейчас мне девятнадцать лет, но я представляю собой настоящую развалину или чудовище, если вам так больше нравится. На моём теле, в основном на конечностях и лице, находятся бурые пятна либо блестящие бугорки, как бы смазанные жиром – очаги инфекции, лишённые чувствительности. Левая кисть у меня немного деформирована. В медицинской терминологии её принято называть «обезьяньей лапой». Лицо моё имеет ещё один научный термин – «львиная морда», потому что брови, нос, лоб придают ему вид, схожий с мордой льва. Губы частично выворачиваются, отвисают, нос увеличивается и раздувается в стороны, а брови выпадают. Хорошо хоть на голове шевелюра сохранилась. Из-за этого мышцы лица немного атрофировались и нарушилась мимика, лицо стало грустным и малоподвижным, поэтому в моменты задумчивости друзья говорят, что я примеряю маску Святого Антония. Вдобавок болезнь наградила меня осиплым голосом, хроническим насморком и ревматическими болями, которые иногда по ночам бывают так сильны, что я мучаюсь и не могу спать. Во всём остальном я нормален, и мой мозг функционирует здраво. Я не кричу от боли и не испытываю судорог, я отнюдь не безумен и склонен воспринимать прекрасное, как и все остальные

люди. Моя внутренняя сущность, начинка, ничем не отличается от самых красивых и совершенных людей. Однако моя внешность служит сигналом для всех норми: «раз я так безобразен, значит, склонен ко злу; если не сам вершу его, то другие, глядя на меня, совершат». В том, что это не так, уверены лишь те, кто меня окружает, но они такие же ущербные, как я сам. А раз так, то вы можете не верить всему тому, что я говорю.

Я не знаю, много ли лечебниц, подобных «Приюту Медеи» в нашей Республике. Быть может одна. Или несколько. Есть ли такие в Австралии и Конфедерации Двух Полюсов, или мы единственные на всём белом свете? Нас всего двадцать пять, таких ущербных, но не все подобные мне чудовища. Столько же человек медицинского персонала за нами наблюдает и обслуживает. Всего пятьдесят обитателей «Приюта» получается. Лечебница расположена в старинном имении, ей насчитывается полторы сотни лет. Она была достроена в честь столетия Победы, поэтому в двух корпусах сохранилась некоторая помпезность старых времён. По этой же причине мы находимся вдали от выжившей цивилизации и в придачу ограждены от внешнего мира двойной стеной – не дай бог ущербные вырвутся из клеток и начнут подстрекать к новой войне, устраивая беспорядки. Двойная стена ограждает территорию диаметром в несколько миль. Вот то пространство, что мы топчем на протяжении жизни, та земля, что выделило нам милосердное общество в личное пользование. Проникнуть к нам из внешнего мира можно только через ворота, также и выйти можно только этим способом и никаким иным образом. Тюрьма, из которой не выбраться, а не пожизненный санаторий, как вы можете посчитать, если живёте в большом мире.

Чтобы вы обладали представлением, что собой представляет «Приют», я представлю всех, кто вместе со мной доживает свой век тут. Наше общежитие поделено на три части, соответственно, и нас можно поделить на три группы. Восемь стариков с сенильными психозами, или попросту слабоумных, с болезнью Пика, Альцгеймера либо деменцией. Шестёрка полоумных, не буйных, но мирных, однако живущих в своём особом мире, и одиннадцать чудовищ с редчайшими заболеваниями. Таких как мы больше нет. Двое моих друзей, которые сами расскажут о себе чуть позже. Три бородатых женщины, подружки, больные гирсутизмом – Лана, Лина и Лена. Два друга Эдди и Мак, человек-пингвин и человек-лобстер, фокомелия и экродактилия соответственно. Элла с синдромом обратного изгиба коленного сустава, ещё совсем девочка. Линда, девушка-слон, с серой толстой кожей с глубокими складками, у неё ихтиоз. Саид с болезнью Боровского и ещё один, Махмуд, которого никто из нас никогда не видел, потому что он живёт затворником. У него спиноцеллюлярная карцинома, самая ужасная разновидность кожного рака с огромными язвами и опухолями. Это доставляет ему массу боли, и он предпочитает обитать в темноте и тишине. Поэтому его никогда не принимают в расчёт.

Медицинский персонал у нас такой. Заведующий лечебницей и главврач по совместительству доктор Соммерсет, директор по снабжению мистер Кривзз, трое ведущих специалистов трёх отделений, а оставшееся число составляет младший медицинский персонал – медбратья, медсёстры и нянечки. И не стоит забывать привратника, стерегущего ворота.

Все мы совершенно разного возраста. Здесь строгий распорядок лишь касательно часов подъёма, отхода ко сну, приёма пищи и процедур, в остальное же время мы полностью предоставлены сами себе. Для нас нет строгой регламентации занятий. Здесь как в стационаре. Болезнь твоя поддерживается изо дня в день в прежнем состоянии при помощи ультрасовременных методик, но свободным временем ты распоряжаешься по своему усмотрению. Многие здоровые и красивые люди большого мира могут подумать, как хорошо нам в этом приюте. Не нужно трудиться, учиться, работать, живут на всём готовом, отдыхают, трижды в день получают питание с богатого изобилием стола. Но им не понять… Ты не только ограничен в своём перемещении несколькими милями, но и однообразие всего тебя окружающего приедается и надоедает уже через пару лет. Приходит осознание – отсюда не уйти. Это не санаторий, кото-

рый можно покинуть в любой момент, это лечебница на краю обитаемой земли, отрезанная от остального мира, куда даже информация о внешних событиях поступает ограниченно.

У нас есть библиотека, спортивная площадка, бассейн, различные роботизированные тренажёры. Если нет чего-то, нужного для твоего увлечения, ты просто подаёшь заявку мистеру Кривззу, и в скором времени её удовлетворяют. Мы живём в тюрьме, уважающей наши интересы и предпочтения. А как же иначе? Даже смерть в нынешние времена обставляется красиво. Это место, куда приходят умирать, и немногие из нас проживают здесь более четверти века, а доживших до глубокой старости за пару столетий можно пересчитать по пальцам.

Как бы общество ни пеклось о нашем благополучии, мы не можем обрести здесь счастья за редким исключением. О наших достижениях не будет известно миру, мы не побываем в других городах и странах, не увидим Великий Океан, не вернёмся домой к родным и близким. Мы не познаем сладость жизни в полном смысле, за исключением наших стариков, которые уже отжили свой век в большом мире и теперь там никому не нужны, потому что нам не дают совершать ошибок и набираться жизненного опыта. И, наконец, никто из нас никогда не обзаведётся собственной семьёй. Даже если двое полюбят друг друга, какое будущее у них может быть? Общество не воспринимает нас как полноценных людей.

Мы прозябаем в одиночестве, обзаводясь мнимыми дружескими связями. Пусть мы живём бок о бок и не питаем друг к другу вражды, наши недуги не позволяют нам сближаться даже с себе подобными. Хорошо, если ты одиночка по сути и легко замыкаешься в своём маленьком мирке, но как жить тому, кто не мыслит себя без вихря общения? С докторами не поговоришь по душам, они не воспринимают нас всерьёз.

Не стоит забывать, что каждому ребёнку с малых лет внушают, что любое уродство есть зло. В большом мире о нас не принято говорить вслух, и большинство населения даже не подозревает о нашем существовании. А те, кто всё же знает, рады, что мы изолированы. Ведь именно ради всеобщего блага общество так милосердно позволило нам жить на всём готовом. Доктора не устают повторять, что мы должны быть благодарны за то, что нам позволяют вести достойную жизнь.

Вот странность: мы бельмо на глазу общества, позорное пятно, и склонны ко злу, но придерживаемся образа жизни, который установлен для нас другими.

2. Леон

«Приют Медеи» - лечебница, в которой ущербные проводят всю жизнь. Иногда, хотя это случается крайне редко, некоторые подверженные недугу излечиваются, но такие люди более не способны на нормальную жизнь в прежнем, полном красоты и доброты, мире и переходят на попечение своих родственников, обречённые на дальнейшую изоляцию в домашних условиях. Обыкновенно же случается так, что семья сразу отрекается от того, кто только подаёт первые признаки ущербности, и никто не вправе осудить родственников за это. Если такой отвергнутый семьёй человек излечивается, он уже не возвращается домой, но проживает оставшиеся годы в каком-нибудь санатории за государственный счёт, но, повторюсь, подобное случается крайне редко и считается чудом, раз зло вновь становится добром. Поэтому никто из нас не стремится покинуть лечебницу. Зачем? Если там, за двойной стеной, у нас нет никого, кто любил бы нас, то здесь мы, по крайней мере, живём среди себе подобных и ни в чём не знаем нужды, окружённые наигранной заботой со стороны нанятого персонала. К тому же в большом мире стоит только кому-нибудь обнаружить ущербного, объявившегося ли случайно или сбежавшего, как он тут же будет возвращён обратно или препровождён в надлежащее место полицией нравов. Так стоит ли рисковать неведомо зачем, чтобы в итоге вновь вернуться сюда? Мне не известно ни одного случая удачного побега, а неудачных было два в прошлом столетии, и за подобную попытку нарушители до конца дней своих обрекались на существование в сопровождении компаньона – нянечки или медбрата, которые с него глаз не спускали.

Я провёл в «Приюте Медеи» (глупое название, не правда ли?) почти всю жизнь, а это без малого двадцать лет. Я был безымянным подкидышем лет трёх-четырёх. Всё, что докторам известно обо мне, это то, что я австралийского происхождения, хотя в данный момент по моей внешности об этом сложно судить. Моё заболевание называется гипертрихоз. По-научному, волосяные фолликулы продуцируют депигментированные тонкие волосы без мозгового вещества. По-простому, я человек с львиным лицом. Человек-лев. Сейчас моё тело полностью покрыто волосами, за исключением ладоней и подошв стоп, десятисантиметровой длины, которые на лице доходят до двадцати сантиметров. Однако мои волосы не чёрные, как можно было бы предположить. Они светло-коричневого, почти золотистого оттенка, как у царя зверей, в прошлом – обитателя саванны, а ныне – городских зоопарков. Мы во многом схожи с этим животным, ведь я тоже живу в своего рода клетке на всём готовом. За внешнее сходство я и получил в лечебнице своё прозвище – Леон. Здесь не многие из нас могут похвастаться настоящими именами.

Очевидно, что родился я нормальным, потому что контроль над рождаемостью в наши дни чрезвычайно жёсткий, не то что в прошлом. На свет появляются лишь абсолютно здоровые и подходящие по всем параметрам младенцы, обещающие в будущем стать достойными членами общества. Возможно, в первые годы жизни в моём теле что-то пошло не так, потому что, когда меня обнаружили у ворот приюта, весь я был покрыт ещё только лёгким пушком, а не волосами, которые полностью завершили свой рост к семи годам. Но я совершенно не помню, как обрастал «львиной шерстью». Мне всегда казалось, что я такой от рождения – по внешности зверь.

В остальном я полностью здоров. От моей болячки лекарств не существует, а заниматься эпиляцией я считаю глупым. Как не старайся, волосы только будут расти быстрее да делаться жёстче. К тому же, кроме мелких бытовых неудобств, они мне особых хлопот не доставляют. У меня ничего не болит, да и чувствую я себя всегда хорошо, если только на улице не стоит жара, а в помещении работает кондиционер.

Стоит добавить, что я прекрасно пою. В юношеском возрасте я по-настоящему влюбился в оперу и сейчас знаю наизусть множество арий. Мне говорят, у меня отменный баритон, но

оценить его могут только те, кто меня окружает. Для всего остального мира мой талант недоступен.

За двадцать лет моей жизни ущербные в «Приюте Медеи» не раз сменяли друг друга, но не так, как бы мне того хотелось. На место умерших чудовищ заступали в основном помешанные или слабоумные старики. Не многие из нас, отмеченных печатью уродств, доживают до сорока лет, а прибывают в лечебницу в юношеском возрасте, когда из-за капризов растущего организма с ним порой происходят удивительные вещи. Вот и выходит, что чудовища умирают рано, а появляются редко. Помнится, прежде не было ни одного полоумного и только двое стариков с деменцией, а теперь вот такие как я в меньшинстве.

Все двадцать пять человек медицинского персонала добры к нам, их отношение вежливое, а поведение корректно, они заботливы и усердны в работе, но в их глазах, по крайней мере для меня, всегда читается превосходство. Они относятся к нам, как к слабоумным, но не все же из нас дети по разуму, чтобы с нами так обращаться. Их трогательный уход за нами вызывает у меня одно лишь презрение. Доктора видят своё призвание в той работе, которую выполняют. В научном кругу их почитают за святош, раз они связали себя с такими как мы. Подобные места считаются вредной работой, через десять лет каждый имеет право уволиться и получать пожизненную пенсию. В большом мире наших докторов считают героями. Но, несмотря на подобные льготы, желающих работать в нашем «Приюте» не так уж много. В современном мире торжествует красота и довольство. Кто захочет променять их, пусть даже на время, на уродство и жалкую обитель на краю света?

Эти красивые люди, ухаживающие за нами, должны в возможной степени избавлять нас от страданий, но я вижу их насквозь и утверждаю, что они к нам абсолютно равнодушны. Они не делают ничего сверх того, что требует от них общественный закон о милосердии и долге к нам. А исполнение закона – это величайшее добро.

Каждый раз, когда один из нас прекращает своё существование, в глазах всех красивых людей я читаю торжество. Ещё одним ущербным стало меньше. Зло погибло, добро торжествует. Их лица светятся от счастья. Ещё бы… Им дано познать мудрость старости и радость свободы, нам – нет. В большом мире их ждут семьи, ждут с нетерпением и любовью, а мы одни на всём белом свете, и у нас нет никого, кто любил бы нас. Любящие слова в этом мире не для наших ушей.

Как я уже сказал, большую часть ущербных в «Приюте Медеи» ныне составляют полоумные и старые маразматики. Родственники их осознали всю необходимость уединения для них, ведь всех нас с детства наставляют, что зло и пороки ведут своё начало от всего безобразного, как недостатка чего-либо. Поэтому если с человеком что-то случается, происходит какое-либо непотребство, родные примиряются с тем, что он навсегда потерян для них. Они почитают его за мёртвого сразу, как только его отправляют в лечебницу, хотя тут он может жить ещё очень много лет. Семья обычно отрекается от подобного позора, поэтому хоронят всех нас за государственный счёт.

Наши старики ведут паразитический образ жизни. Они овощи, и нянечки круглосуточно присматривают за ними, обеспечивая хороший уход и материнскую заботу для доживающих свой век, но едва ли осознающих действительность. Ничего иного общество не предоставило тем, у кого произошла атрофия головного мозга. А наши миролюбивые полоумные живут в собственном мире. Они никого не беспокоят, однако к каждому всё равно прикреплена медсестра, осуществляющая ненавязчивый присмотр. Ущербных психически всего шесть. Двое из них вообразили себя героями былых столетий: Наполеон в изгнании на острове Святой Елены и царь и повелитель всея Руси Иван Грозный в период опричнины. Они и ведут себя соответственно со всеми нами. Я смотрю по настроению. Иногда им подыгрываю, а иногда просто не обращаю внимания. Есть у нас мужчина, принимающий себя за бутылку шампанского, который то и дело откупоривается, стреляя пробкой и шипя. Мне особенно нравится наблюдать за

ним, когда он засовывает палец правой руки за левую щёку и выдёргивает его со звуком, напоминающим хлопанье пробки, а затем, подражая игристому напитку и ловко прижимая язык к зубам, издаёт резкий свист и шипение, непрекращающееся в течение нескольких минут. Есть у нас и очаровательная женщина лет тридцати. Она самая красивая из всех ущербных, а среди полоумных выделяется тем, что с ней можно нормально поговорить на любую тему. Правда делать это следует не на открытом воздухе. Она всегда завивает волосы и одевается по последней моде. Наряды ей присылают из самой столицы. Она нормальна до тех пор, пока не выходит на прогулку. На улице она всегда пользуется неизменным голубым зонтом. Им она промеряет глубину больших луж и ширину маленьких, через которые перепрыгивает. Если погода солнечная и сухая, она измеряет воображаемые лужи и всё так же передвигается скачками. Оставшиеся двое – обычные шизофреники.

И теперь снова о нас, настоящих чудовищах, в основном ставших такими в детстве или в период переходного возраста, когда человек более всего уязвим потерять свою природную красоту. Мы единственные носители своих болячек. Никто в мире больше не болеет подобным (мне неизвестно, существуют ли где-либо лечебницы, подобные нашей). Ежедневные процедуры поддерживают наше состояние на прежнем уровне, и мы живём здесь относительно хорошо и можем заниматься любимыми делами.

Взять к примеру меня. Я могу слушать любые оперы, смотреть в реальном времени концерты в любых известных театрах, могу наслаждаться любым голосом знаменитости. Я могу обучаться этому искусству под руководством роботизированного наставника, что я делал прежде и делаю сейчас. Я могу петь вволю в «Приюте Медеи», я всякий раз выступаю на самодеятельных концертах. Я обладаю голосом не хуже несравненных и величайших певцов прошлого. Я стал бы не хуже многих, имея мировую известность.

Был ли я счастлив? Не знаю. Стараюсь не думать над этим вопросом, потому что размышления пугают меня. Потому что понимаю, мне хочется вживую прийти в театр, а не смотреть видео. Это я хочу стоять на сцене, получая аплодисменты, цветы и признание. А ещё хочу увидеть красоты нынешнего мира: заснеженные пики антарктических гор, непроходимые джунгли Амазонки, рёв и грохот Величественного Океана, цветущие луга Австралии, моей родины. Я хотел вдыхать дорожную пыль, искать начало радуги за горизонтом, заниматься раскопками древних находок или встречать восход на морском берегу (порой я чувствую запах моря, приносимый ветром; я знаю, оно где-то рядом). Мне хочется всего, но я заперт в вечном и неизменном имении лечебницы, где на клумбах из года в год не меняются цветы, которые, считается, придают нам радостное настроение, дабы мы не впадали в меланхолию, а парк круглогодично одинаков. Изо дня в день повторяется обход территории, доктора всё так же пичкают нас лекарствами и витаминами, проводят процедуры в назначенный час. А там, за двойной стеной ограждения, Жизнь меняется ежедневно.

Мне нравится предаваться грёзам о том, как свершается мой оперный триумф, как после выступления прихожу я на званый ужин в смокинге, а кругом снуют разодетые в вечерние платья дамы. Тут пьют коктейли на кожаных диванах, там – весёлый смех, а я ступаю на балкон под покров ночи, где в лунном сиянии ожидает меня прекрасная незнакомка. В беседе со мной она поймёт, какой я потрясающий человек, ведь я могу рассказать ей о многом. Я могу беседовать на любую тему.

Но это всего лишь мои фантазии. Невозможная мечта. Ведь мой могучий дух будет вечность находиться в этом безобразном теле, а общество по-прежнему будет считать меня злом. Им наплевать, какой я в душе. Они судят, что если я добр по натуре, то мой внешний вид будет способствовать зарождению зла в умах других.

Мне следует принять действительность. Я тот, кто я есть. Я чудовище, отвергнутое обществом, и одиночество – мой удел.

К нам относятся, как к малым детям. Это тоже часть груза, который я несу.

С какой радостью, будь у меня львиные когти, я расцарапал бы себе грудь и вырвал сердце, позволив своему духу освободиться от этой безобразной оболочки. Но за нами строгий надзор. Стоит подать докторам лишь повод, что ты задумал причинить себе вред, как к тебе до искончания дней прикрепят нянечку. И она будет всюду следовать тенью, и ты лишишься даже такой, мнимой и ограниченной, свободы.

Общество не просто изолировало нас от себя. Оно решило, что имеет право запретить нам умирать по собственной воле. Мы склонны ко злу, мы угроза для человечества, а значит, должны мучиться всю жизнь. Нам не упускают случая напомнить, что мы ущербные и не имеем никаких прав.

3. Буркало

Доктора говорят, что по натуре своей я мечтатель и фантазёр. Мне уже восемнадцать, но иногда я веду себя как двенадцатилетний мальчишка, склонный к приключениям и авантюрам. На роботизированном тренажёре я обучился управлению любого транспортного средства: автомобиля, парусника, поезда, самолёта и даже космического челнока довоенного времени (в то время человечество намеревалось осваивать просторы Вселенной), и многих других. По территории лечебницы я вожу электромобиль с прицепом и катаю в нём всех желающих. В вождении мне больше всего нравится смотреть на ленту дороги, как она появляется издалека, приближается и исчезает под колёсами. Для меня это своего рода символ времени – прошлого, настоящего и будущего, по которому движется всё человечество и каждый из нас в отдельности. Это однонаправленность движения, которому мы не в силах противиться, хотя на обычной дороге можем легко изменить направление. Пространство и время всё также неподвластны человеку, как и в былые дни, но я бы дорого заплатил за то, чтобы вернуться в прошлое и изменить его.

В большом мире меня звали Вернон Прайс. Здесь я стал Буркало из-за своих по-жабьи выпученных глаз. Когда мне исполнилось шестнадцать, в моём теле что-то случилось, гормоны как-то не так себя повели, и я заболел болезнью Иценко-Кушинга. Доктора объяснили, что у меня повышенная продукция какого-то гормона в гипофизе, который отвечает за нормальную работу надпочечников. Я обещал стать редкостным красавцем, но болезнь преобразовала меня в иную сторону. Сейчас у меня лукообразное красное лицо, тонкие конечности и тучное тело с розовыми полосами-растяжками и потемнениями в складках и местах трения кожи. У меня ожирение, хотя от обжорства я никогда не страдал. Мой недуг наградил меня мышечной слабостью, ломкостью костей и высоким давлением, то есть я быстро устаю и обладаю склонностью к переломам, поэтому вынужден соблюдать осторожность в своих действиях. Окружающие думают, что я вял и нерасторопен, но это не так. Моя медлительность следствие этой самой осторожности, потому что я не хочу ещё больше навредить себе. Я принимаю препараты, подавляющие выработку глюкокортикоидов, и есть миллионная доля вероятности, что когда-нибудь я излечусь и покину «Приют Медеи», но думаю, я единственный их ущербных, кто не желает этого. Я не хочу возвращаться домой, и сейчас вы узнаете почему.

Моя семья очень строго относилась к соблюдению норм и приличий. Несколько поколений особое внимание уделяло чистоте крови, чтобы все представители семейства обладали схожим благородством и красотой. Мы считались одной из самых знатных и совершеннейших семейств в округе. Я подавал большие надежды, обещая стать ещё более красивым, чем мои предки. Почти абсолютом. Я до сих пор высок ростом, мой скелет пропорционально сложен, у меня пронзительно-синие глаза с длинными ресницами, черты лица не имеют каких-то дефектов и совсем светлые волосы, правда теперь они постоянно жиреют и приобрели тусклый и неопрятный вид, хотя я постоянно соблюдаю чистоту и совершаю полные омовения дважды в день.

При первых признаках появления ущербности мама отвела меня в профилакторий, где были даны нелицеприятные о моём здоровье отзывы. Узнав, что в скором времени я буду выглядеть отвратительно, что лечение моё будет долгим, а надежда на успех мала, семья моментально отказалась от меня за моей спиной. Не прошло и дня, как уже оба родителя опять отвели меня в профилакторий, якобы для более глубокого обследования, и оставили там одного, где через сорок минут я узнал, что в возвращении домой отказано мне навсегда. Вот так, даже не попрощавшись с близкими, не получив из дома ни одной любимой вещи, был я под конвоем в срочном порядке доставлен в «Приют Медеи» в возрасте шестнадцати лет. С тех пор минуло всего два года. От родных не пришло ни весточки, и я уже начал забывать их имена, а лица я

позабыл тотчас же, как было совершено предательство с их стороны. Я стал ущербным. Пусть. Я бы принял то, что должен разлучиться с семьёй и покинуть родной дом, но они бросили меня как собаку, в один момент, даже не оглянувшись, не сказав ни слова ободрения или утешения, а ведь я был их любимым сыном. Вот почему у меня нет желания возвращаться в большой мир. Не желаю их видеть, не хочу ничего слышать о них. И не хочу расстраиваться, если они всё же отказались от меня окончательно и передали на государственное содержание.

Я прибыл в «Приют Медеи» так скоро, что даже не успел примириться со своим новым положением изгнанника. Всего несколько дней назад я был у себя дома, ходил в школу, играл с друзьями на спортивной площадке, а теперь вот стал окружён докторами в белых маскхалатах и изолирован от всего остального мира. Лечебнице не сравниться с тюрьмой, в последней, по крайней мере, всегда остаётся надежда, что ты когда-нибудь выйдешь на свободу. Здесь же я до конца своих дней ограничен в передвижениях и выборе образа жизни. Всё-таки была большая вероятность, что меня не излечат. Единицы покидают это место, но, я знаю, они уже не способны вернуться к полноценной жизни в большом мире. Да и докторам нет смысла излечивать нас, раз мы уже перестали быть людьми в полном смысле и лишились всех прав. Болезни наши поддерживают в прежнем состоянии, в том, в каком мы были доставлены сюда. Политика общества такова, что клеймо ущербного, которое на тебя навесили, не стереть. Им не важно, каков ты в душе, потому что по внешности судят в наши дни и признают тебя склонным ко злу самого, либо способным склонять ко злу других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.